

Семь книг с двадцать второго по двадцать восьмой том входят в серию «Английский любовный роман»

<https://www.litres.ru/luttoli/> – страница со всеми книгами писателя Люттоли

<https://www.luttoli/> – личный сайт писателя Люттоли.

<https://www.bormotulka.ru> – сценарный сайт писателя Люттоли

<https://t.me/luttoli> – Телеграм писателя Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> – Facebook писателя Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> – Твиттер писателя Люттоли

<https://vk.com/lutoli> – Вконтакте писателя Люттоли

Для переводов писателю Люттоли

Номер банковской карты: 5486 7320 0090 8327

Яндекс кошелёк: 41001851135760

Наказание за жизнь

Глава 1

**18 июня 1815 года. Королевство Нидерландов. Ферма
близ селения Ватерлоо**

Из разбитых окон вырывались языки пламени и неслись душераздирающие крики.

– Раненые горят заживо! – эти слова повторялись с отчаянием и злостью.

Деревянный дом с красным крестом на крыше, полыхал в огне. К нему отовсюду бежали солдаты. Многие из них по пути бросали винтовки и походные сумки прямо на землю.

Первым в горящий дом залетел капрал Гибни. Уже через минуту он вынес на плечах полуобнажённого юношу в окровавленных бинтах. Бинты на спине горели. Подбежавший санитар принял раненого и сразу же начал катать по земле, а капрал бросился обратно в дом. Туда уже вбегали и другие солдаты.

Ужасающий огонь французской артиллерии продолжал обрушиваться на ферму десятками шестифутовых и девятифутовых ядер.

Несколько девятифутовых ядер ударило об крышу конюшни. Земля содрогнулась от мощных взрывов. Вместе с дымом и огнём, из конюшни выскочили обезумевшие лошади и заметались по двору, среди английских солдат.

Главные ворота затрещали от мощных ударов.

Посыпались щепки.

Молодой лейтенант Виктор Денби, со следами копоти на лице и на мундире, бегал по двору и до хрипоты выкрикивал одни и те же слова:

– Встать в позицию перед воротами! Оставить проход для лошадей!

Рискуя быть растоптанными, английские солдаты быстро перестраивались во дворе в две колонны, оставляя между собой проход, шириной в пять шагов.

Ворота распахнулись. Показались штыки французской пехоты. Лошади понеслись по проходу, пытаясь вырваться на простор. Одновременно, с двух сторон раздались мощные залпы. Лошади, истекая кровью, стали врезаться в ряды французской пехоты. В их рядах возникла давка сопровождаемая потоком проклятий и болезненных криков.

Времени перезаряжать ружья не оставалось, лейтенант Денби повёл солдат в штыковую атаку. К тому времени, около полусотни французов успели проникнуть во двор. Завязался ожесточённый бой с переменным успехом. В самый разгар схватки прибежал капрал Гибни начался биться штыком плечом к плечу с лейтенантом Денби.

– Стивен, ворота! – закричал лейтенант Денби, перекрывая шум сражения.

Капрал Гибни сразу смекнул, какие преимущества давали запертые ворота. Он бросился в обход французов, увлекая за собой товарищей.

Заработала английская артиллерия, отсекая основные силы дивизии Жерома Бонопарта от ворот

фермы. Эта помощь позволила в считанные минуты закрыть ворота. Часть Французов оказалась заперта во дворе, и сразу подверглась ожесточённой атаке. А вскоре, началось настоящее избиение. Лейтенант Денби пытался остановить своих солдат, но бомбардировка госпиталя наполнила их яростью.

Спустя четверть часа, земля перед воротами стала красного цвета. Всех французов до единого – истребили.

В воротах зияли несколько крупных дыр. Французские части, залегшие на краю буковой рощи, в непосредственной близости от фермы, несомненно, видели, какая страшная участь постигла их товарищей.

– Виктор!

К лейтенанту Денби, запыхавшись подбежал тот самый капрал Гибни. Лейтенант вытер пот тыльной стороной перчатки и в бессильной ярости закричал:

– Будь всё проклято! Мы должны были остановиться! Нельзя было их убивать! Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Многие из солдат в этот миг смотрели на него с осуждением и даже враждебностью. Но лейтенант Денби не замечал ничего, кроме мёртвых тел.

– Они нас не простят. Я удивлюсь, если к вечеру мы будем всё ещё живы, – сказал он так тихо, что его услышал только капрал Гибни. И тут же громко закричал. – Отдыхайте. Набирайтесь сил. Скоро французы снова пойдут в атаку.

Солдаты привалились здесь же, напротив ворот. Из походных сумок появилась судная пища. Кто-то наливал из ведра воду в подставленные кружки.

Санитары подхватывали раненных за руки и ноги, и уносили их к амбару. Там, по приказу полка, их грузили на подводы, чтобы отправить в ближайший госпиталь.

Виктор завёл Стивена за угол почерневшей стены.

– Слушай внимательно, – очень тихо сказал он, – мы не выдержим следующей атаки. А с учётом, того, что

произошло, нас не пощадят. Но ты должен жить, Стивен.

Стивен пытался возразить, но Виктор не позволил.

– Молчи и слушай! Ты всегда был мне братом. Мы с тобой вместе выросли, вместе пошли на войну, бок о бок достойно сражались, но пришло время расстаться. Я хочу, чтобы ты жил Стивен. Молчи! – приказал Виктор, когда Стивен попытался снова возразить. – Твоей семье помочь некому. Матушка Мэри и Алайя, пропадут без тебя. А моя семья всем обеспечена. Им не нужна ничья помощь. Поэтому, как только французы пойдут в атаку, ты уйдёшь. Я настаиваю.

– Я никуда не уйду! Я даже слушать тебя не хочу, – сердито ответил Стивен. – Я не собираюсь умирать, и уж тем более позволять тебе умереть.

– Стивен! Это мой последний приказ. И ты его исполнишь. Передашь мой семье на словах...– Виктор не смог закончить. Заработала французская артиллерия.

– Быстро же они подтянули орудия. Судя по всему, мы сильно разозлили французов.

Слова Виктора оказались пророческими. Канонада усиливалась с каждой минутой.

Виктор обнял Стивена.

– Прощай и знай, что я всегда любил тебя как родного брата!

Оставив Стивена, Виктор побежал к солдатам. В воздухе сразу зазвучали зычные команды.

Стивен побежал в холл дома, который временно служила казармой.

Здесь, возле сломанного шкафа, лежал его мешок. Он вывалил содержимое мешка на пол. Выбрал из целой кучи только два пистолета и нож, а затем сразу побежал обратно.

Смертоносные ядра разрывались повсюду. Спустя четверть часа после начала артиллерийского обстрела, весь замок полыхал в огне. Никто даже не думал гасить пожары. Половина английского

пехотного полка вела ответный огонь со стен, вторая половина заняла позиции во дворе. Внезапно залпы со стороны французов прекратились. Из буковой рощи начали один за другим появляться ровные ряды французов.

Виктор поднялся на стену, некоторое время наблюдал за наступлением, а потом спустился вниз и, приказала всем подготовиться.

– Они скоро будут здесь! Если отступим хоть на шаг, нам всем конец! – предупредил он и сразу выдвинулся вперёд.

На короткое время наступила тишина, нарушаемая лишь треском горящих брёвен. Напряжение среди английских солдат возрастало с каждым мгновением. Лица выражали решимость, а руки до боли сжимали винтовку, направленную штыком вперёд. Многие слегка горбились, словно готовились к прыжку.

Залп картечи из французских винтовок снёс ворота. Почти сразу же раздался и второй залп, который скосил первые ряды англичан. Ответный залп прогремел почти мгновенно. Английские солдаты, под непрерывающимся огнём, стали поспешно перезаряжать винтовки. Второй залп прогремел, когда французы находились в непосредственной близости от ворот. Он произвёл опустошение, но не смог остановить атаку. Французы ворвались во двор замка и с неистовой яростью набросились на своих врагов. В ход пошли штыки. Закипела рукопашная атака. Количество французских солдат только увеличивалось, а англичан с каждой минутой становилось всё меньше.

Виктор находился в первых рядах и орудовал саблей так быстро, как только мог. Положение ухудшалось с каждым мгновением. Противников становилось всё больше, а они начали уставать. Выстрел...он раздался внезапно. Виктор почувствовал, как силы с непостижимой быстротой покидают его. Он рухнул на живот, и уткнулся лицом в землю. Его сразу же пытались добить штыками, но помешал Стивен. Он

остервенело набросился на двух французов, заслоня собой Виктора от смертельных ударов. После короткой, но ожесточённой схватки, он заколол обоих штыком. Получив короткую передышку, Стивен перекинул винтовку на спину, наклонился, схватил Виктора за плечи и волоком потащил по земле на себя. Он тащил его посреди кипящего сражения и не оглядывался, хотя в любое мгновение мог получить смертельный удар.

– Не вздумай умирать, – повторял он без конца. Ему удалось затащить Виктора за тот самый угол, где они недавно разговаривали. После чего быстро осмотрел его. Пуля вошла в спину рядом с правой лопаткой. Увидев отверстие от пули, Стивен побледнел, но присутствие духа не потерял. Оглядевшись по сторонам, он увидел санитару, который бежал в его сторону, пригнувшись к земле. Спустя несколько мгновений, санитар уже стол на корточках и перевязывал спину Виктора. Одновременно появились несколько французов. Они пока не замечали их, но в любой момент всё могло закончиться.

Стивен быстро огляделся по сторонам. Заметив винтовку рядом с мёртвым солдатом, он бросил санитару «любой ценой доставь его в госпиталь», а сам метнулся к винтовке. Подобрал её, он сразу разрядил пулю в одного из французов, а потом сразу бросился на них в штыковую атаку. Второй противник был повержен. Завязалось неравное сражение. Стивен атаковал и отступал, уводя их в сторону от места, где лежал Виктор. Он успел увидеть, как санитар взвалил его на плечи и затрусил в сторону амбара, где всё ещё оставались несколько подвод.

Французов становились всё больше. Стивен защищался из последних сил. Понимая, что скоро наступит конец, он забежал в конюшню в то самый миг, когда обгоревшая крыша обрушилась, погребая под собой его преследователей. Раздались дикие вопли. Глядя

на карабкающиеся тела под грудой догорающих досок, Стивен вытер ладонью пот со лба и пробормотал:

– Вот это повезло...

Он не стал дожидаться развязки, которая вполне могла закончиться для него столь же плохо, как и для его противников. Стивен ещё издали приметил выступ под крышей часовни. Туда он и побежал.

В тот миг, когда Стивен взбирался на крышу часовни, возле амбара прогремели несколько мощных взрывов. Телега, в которой лежал лейтенант Виктор Денби, перевернулась, а он сам вылетел из неё и упал поверх мёртвого санитаря.

Шум сражения постепенно стихал, а вскоре и вовсе прекратился. Тела английских солдат начали сбрасывать в заброшенный колодец. Стивен лежал на крыше часовни и всё хорошо видел. Он увидел, как двое французских солдат поднесли к колодцу тело молодого лейтенанта и сбросили его вниз. Это был Виктор.

Глава 2

В Аду

Виктор чувствовал привкус крови на губах. Все чувства заменила одна острая боль. Она каждое мгновение втыкала свои иглы и заставляла содрогаться. Он попытался справиться с болью, но усилие мгновенно вызвало ужасный приступ. Спину словно охватило адское пламя. Виктор закричал и потерял сознание.

Сознание медленно возвращалось к Виктору. Он попытался пошевелиться, но не смог. Его, словно сдавили со всех сторон. С трудом, но ему удалось размежевать веки. Сначала он ничего не мог разглядеть, но постепенно глаза начали привыкать к темноте. Он различил чью-то руку, которая висела

прямо над его лицом. Сквозь раскрытые пальцы с застывшими чёрными каплями, отчётливо виднелось круглое ночное небо со звёздами.

– Где я... чёрт? – он с трудом раздвинул запекшиеся губы.

Виктор попытался убрать руку, но не смог. Все его попытки сдвинуться с места приносили с собой лишь новые приступы боли. Он почувствовал, что начинает задыхаться. Ему не хватало воздуха.

Конец, – осознал Виктор.

Неожиданно, в его сознание врезался голос Стивена:

– Виктор!

Виктор с удивлением смотрел, как в ночном небе возник человеческий силуэт. И этот силуэт начал быстро приближаться. Время от времени раздавался знакомый голос, который звал его по имени.

Ноги Стивена коснулись чего-то твёрдого. Он сразу понял, что это чья-то голова:

– Простите меня, простите, пусть Господь накажет меня за это святотатство...но только меня...Виктор, – чуть не плача снова позвал Стивен, – Виктор, не смей молчать слышишь...

Стивен начал осторожно приподнимать мёртвые тела и перекладывать их друг на друга, освобождая середину колодца. Делая это, он всё время просил прощения и звал Виктора.

– Я здесь...я здесь...но не могу пошевелиться,...и не могу... дышать – нашёл в себе силы ответить Виктор.

– Господи, Виктор...ты жив?! – Стивен даже не пытался сдержать слёз.

Он нащупал руками лицо Виктора, а в следующее мгновение, начал высвобождать его, перекладывая и отодвигая тела.

Томительные минуты проходили одна за другой, но вот, Стивен освободил друга настолько, что смог обнять.

– Ты всё ещё жив! – шептал он, не выпуская Виктора из объятий. – Я надеялся, надеялся...Господь не

оставил меня...

- Где...я?

- В колодце. Здесь много наших солдат. Потерпи...немного...- обхватив Виктора под мышки, и начал медленно вытаскивать.

- Выйти мы не сможем, пока здесь находятся французы, но надежда есть. Я слышал, как они разговаривали между собой. Судя по всему, у них дела плохи. А раз так, скоро здесь будет наша армия. Надо всего лишь немного потерпеть. Виктор не мог пошевелиться. Он только стонал.

- Где болит? - очень тихо спросил Виктор.

- Везде...спина горит...

- Придётся потерпеть до утра. Сейчас плохо видно. Как бы не сделать хуже...прости меня, господи. И вы простите, храбрецы...даже в страшном сне не смог бы представить, что буду ходить по телам моих товарищей,...простите меня, простите...и да упокоит Господь ваши души!

Стивен приподнял Виктора, прислонил его спиной к стенке колодца, потом сел рядом и обнял:

- Потерпи, немного потерпи. Скоро мы выберемся. Держись, только держись, - шёпотом повторял он, - осталось совсем немного...

Они сидели, обнявшись, в колодце и были счастливы, потому что всё ещё оставались в живых.

- Стивен...- прерывисто прошептал Виктор, - помнишь...как мы напугали священника?

- Когда мы через дымоход выкрикивали проклятия? Помню. Он был пьян и решил, что это Господь наказывает его за грехи, оттого и выскочил в одной ночной рубашке. Меня матушка потом очень долго ругала. Я спасся лишь благодаря заступничеству Алайи.

- Помню...глаза как у гнома...маленькие...

- Нет. Она щурится, когда злится, и тогда они становятся маленькими. Глаза у неё синие как небо...четыре года не виделась. Она у меня всегда красавицей была. От женихов наверно отбоя нет...

вернёмся и вместе выдадим её замуж. Пообещай мне, Виктор...– ответа не последовало. – Виктор! – тихо позвал Стивен. – Ответа снова не последовало. Он очень осторожно отстранился, взял его за плечи и легонько затряс.

– Аннабель...– раздался мучительный шёпот, – никогда...не увижу...её. Она меня ждёт и...расстроится... – Ты о своей невесте, – догадался Стивен. Он снова обнял Виктора. – Скоро ты её увидишь. Очень скоро...осталось совсем немного потерпеть. Утром наша армия будет здесь. Отвезу тебя...– Стивен замолк и насторожился. Где-то очень близко раздалась французская речь.

Выстрел...он раздался внезапно. Стивен обнял Виктора и крепко прижал к своей груди. Ещё выстрелы. Они звучали снова и снова.

Виктор чувствовал, как дёргается тело друга и слышал голос, который с каждым мгновением слабел... – У них кроме тебя никого нет...не оставляй их...не оставляй...

Выстрелы прекратились. Виктор позвал Стивена, но ответа не последовало. До самого утра он звал друга, но тот так и не откликнулся.

На следующий день в замок вошли передовые части английской армии. Весть об ужасном преступлении разнеслась мгновенно. Двое добровольцев сразу спустились в колодец. Первое, что они увидели – были два сплетённых тела. Стивен так и не разжал свои объятия. Их подняли вместе, думая, что оба мертвы. И только наверху обнаружили, что один из них всё ещё дышит. Его сразу же отправили на подводе в госпиталь, и начали вытаскивать остальных.

Глава 3

Город Бедфорд. Графство Бердфоршир. 24 июня 1815 года.

Небольшой провинциальный городок Бредфорд, в то субботнее утро выглядел празднично. Обычно пустые главные улицы города: Тависток, Дейм Элис, Фостер Хилл Роуд и святого Петра, заполнили местные жители. Они, подобно руслам реки Уз, на которой и стоял город, стекались к месту пересечения всех четырёх улиц. Здесь, на центральной площади, перед собором святого Петра, людские потоки объединялись в одну восторженную толпу, которая прославляла великого полководца за блистательную победу в битве при Ватерлоо.

– Слава герцогу Веллингтону! – то и дело слышались восторженные крики, которые тут же подхватывали все.

Люди радовались, смеялись, а порой даже плакали от счастья. Для некоторых из них, весть о победе английской армии означало конец войне. А это означало возвращение домой их братьев, отцов, сыновей и мужей. Зловещая тень Наполеона много лет нависавшая над Европой подобно Дамоклову мечу уходила навсегда в небытие.

Праздничные торжества только начинались, когда на углу улицы Харпур появилась юная особа восемнадцати лет с двумя плетеными корзинками, полностью заполненными румяными булочки.

Башмачки, одетые на миниатюрную ножку то и дело отбивали неторопливую дробь по мостовой. Из-под белого чепчика, который она носила всегда, выбивалась прядь каштановых волос. Живые, глаза, то и дело двигались с беспокойством в разные стороны, но потом замирали, излучая одухотворённость совсем не свойственную продавщицам хлеба. В эти короткие мгновенья, мысли её уносились далеко от Бедфордшира.

Ни простенькое платье с белым фартучком, ни корзинки и самый что ни на есть недорогой головной

убор, не могли умалить её очарования, которое в полной мере отражали благородные черты лица. Алайя Гибни, так звали девушку, каждое утро шла на овечий рынок, который находился по соседству с площадью святого Петра, и продавала там булочки, которые пекла её достойная матушка, Мэри Гибни. Эти булочки являлись единственным источником дохода. Они помогали им выживать в это тяжёлое, военное время.

Алайя, по отцовской линии принадлежала к старинному дворянскому роду. Её покойный батюшка полностью разорился, оставив им в наследство лишь маленький домик на окраине Бедфорда и кучу долгов. Помощи ждать было неоткуда. Единственный родственник, дядя по материнской линии Леви Ферридж сам едва сводил концы с концами. Работа адвоката в маленьком городке не приносила ощутимой прибыли.

С долгами частично удалось расплатиться лишь благодаря усилиям её родного брата Стивена. Алайя не видела его уже четыре года и успела по-настоящему истосковаться. Она часто думала о брате и вместе с матушкой строила планы на жизнь после его возвращения. В её сердечке жил ещё один мужчина, Виктор Денби. Вернее, он давно и надолго там поселился. О нём Алайя думала куда больше, нежели о брате. Виктор часто бывал у них дома. Каждый раз она ждала его прихода с замиранием сердца. Каждый раз надеялась, что он обратит на неё внимание, но безрезультатно. Всю юность она провела в мечтах о Викторе. Стоило ему на время пропасть из виду, как она сама под разными предлогами бежала в поместье Денби. Приходилось преодолевать несколько миль ради одного, иногда очень краткого мгновения. И этой малости ей хватало для счастья. Но даже в своих мечтах она не видела себя супругой Виктора. Между ним, наследником и отпрыском одной из известнейших семей, и ей, бедной девушкой с сомнительным

происхождением, пролежала огромная пропасть. Алайя просто любила Виктора, не ожидая ничего взамен. Да и не обращал он на неё внимания. Он приходил только ради Стивена. Они были неразлучны. Вместе выросли и вместе, в один день ушли на войну. Алайе пришлось отвлечься от воспоминаний. Обычно, она продавала булочки на овечьем рынке. Там каждое утро шла оживлённая торговля, оттого и удавалось до полудня всё распродать. Но на сей раз ей не удалось даже дойти до места. Её окружила большая группа молодых людей. Алайя только успевала повторять:

– Два пенса. Всего два пенса за булочку. Следом она принимала монеты и доставала булочку. В мгновение ока обе корзинки опустели. Все булочки были распроданы. Она заработала четверть фунта за какие-то несколько минут.

– Сегодня праздник? – с удивлением спросила Алайя у последнего покупателя.

– Мы победили. Война закончилась, – последовал радостный ответ.

– Ой! – Алайя развернулась и трясла пустыми корзинками, побежала домой. Она ног не чувствовала от радости. Ещё бы, они целых четыре года ждали этого известия.

– Матушка! – Алайя влетела в дом и с шумом бросила корзинки на пол. Потом оглянулась, выбежала обратно из дома и побежала к верёвке с развешанным на ней бельём. Именно за ней она обнаружила женщину лет пятидесяти с корытом в руках.

– Матушка! – Алайя с размаху бросилась в её объятия. Корыто тут же полетело на землю вместе с остатками белья. – Война закончилась. Конец войне. Я только что узнала.

– Господи! Какое счастье! – вырвалось у миссис Гибни. Она не смогла удержать слёз. Обнявшись, обе женщины вошли в дом. В самое ближайшее время жизнь обещала заиграть новыми красками.

В честь прекрасного известия, они приготовили праздничное блюдо. Это была всё та же овсянка, которую они ели каждый день, ибо не могли позволить себе ничего больше. Но в данном случае, значение имело не само блюдо, а настроения, которыми оно сопровождалось. Позже к ним присоединился и дядюшка Алайи, Леви Ферридж. Это был долговязый мужчина сорока пяти лет с худощавым лицом. При ходьбе он волочил правую ногу. В молодости, он участвовал в скачках. Во время одной из таких скачек, он упал и повредил ногу. С тех самых пор, ему приходилось жить с покалеченной ногой. Мало кто из прекрасного пола жаждал получить в мужа бедного калеку. Оттого и не удалось завести семью. У Леви никого не было кроме сестры Мэри и её детей, Алайи и Стивена. Леви пришёл сообщить добрую весть, но опоздал. Всё, что ему оставалось, это присоединиться к праздничному ужину и поднять чашку с водой в честь возвращения Стивена.

Глава 4

Семья Денби

Даже река Уз выглядела сегодня особенно. Она вся сверкала под воздействием солнечных лучей или так казалось Алайи? Сегодня всё вокруг казалось красивым. Она перешла арочный мост, простоявший на этом месте едва ли не тысячу лет. На почтенный возраст указывали потемневшие с трещинами камни и памятная табличка. Алайя, с разрешения матушки направлялась в имение Денби. Они надеялись узнать новости касающиеся времени возвращения Стивена. Но не только. Алайя надеялась тайком выведать новости о Викторе.

Путь до имения занимал чуть более часа пешком. Алайя целиком посвятила это время мыслями о

Викторе. Она шла вдоль пшеничного поля, улыбалась под нос и представляла, как удивится Виктор, когда увидит её. Когда они с братом уезжали, она была ещё совсем юной. А сейчас выросла, и как говорят матушка с дядей, стала настоящей красавицей. Наверное, они немного преувеличивают, но ей очень хотелось верить этим словам. Ведь тогда её мог заметить Виктор. Алайя знала, что у Виктора есть невеста. Знала, что невеста его ждёт. Знала, что они должны пожениться, как только он вернётся домой. Она знала всё, но ничего не могла поделать со своими чувствами. Они желали лишь Виктора, а всех остальных мужчин попросту не замечали. Вот так, радуясь и печальясь, мечтая и лишая себя даже маленькой надежды, Алайя добралась до имения. Во дворе царила суматоха. Женщины сновали с корзинами полными еды. Несколько мужчин в грубоватой одежде и сапогах, с длинными ножами в руках сгрудились возле пары овец. Судя по всему, их готовили к закланию. Алайя каждый день слышала это страшное блеяние овец, но никак не могла к нему привыкнуть. Овцы, в отличие от людей, всегда чувствуют, когда жизнь подходит к концу.

На пути попался управляющий имения, мистер Лонкхест. Он приветливо поздоровался с Алайей и сразу осведомился о причине визита.

– Война закончена. Мы ждём моего брата Стивена. Они должны возвратиться вместе с Виктором, сэром Виктором. Матушке и мне хотелось узнать, нет ли от них новостей, – ответила Алайя.

– Вам лучше поговорить с леди Денби, матушкой сэра Виктора. Она весьма интересуется возвращением сына, – посоветовал управляющий.

Алайя поблагодарила управляющего. Он сразу ушёл, оставив её в нерешительности. Ей очень не хотелось входить в дом из-за отца Виктора, сэра Уильяма Денби. Этот человек её по-настоящему пугал. Отец Виктора не раз приставал к ней, намекая на своё расположение. Во всех подобных случаях, Алайя

отмалчивалась или уходила. Она не знала как себя вести и как избавиться от этой неприятной навязчивости.

Поразмыслив, Алайя решила дожидаться леди Денби во дворе. Рано или поздно она должна была выйти. День был жаркий. Она подошла к колодцу, отпила из ковша несколько глотков, а потом смочила руку и обтерла свою шею.

Она не видела человека в окне второго этажа, который неотступно наблюдал за ней жадными глазами. Это был не кто иной, как тот самый Уильям Денби. Капли воды на шее Алайи вызвали у него приступ вожделения. Он упёрся головой в стекло и с неуголимой страстью прошептал:

– Моё терпение на исходе...никого я не желал так сильно как тебя. Я хочу чувствовать твоё трепещущее тело под собой...хочешь ты того или нет... это случится...

Алайя всё время смотрела на дом и потому сразу увидела невысокого мужчину лет пятидесяти с внушительной лысиной, в сочетании с которой густые бакенбарды выглядели более чем нелепо. Засунув правую руку в карман своего жилета, он с важным видом вышел из дома и сразу начал раздавать указания людям во дворе.

Алайя сначала напряглась, увидев сэра Уильяма Денби, а позже с облегчением вздохнула. Он её не заметил. А скоро и вовсе исчез из виду. Она осталась стоять возле колодца и ждать леди Денби. Прошло ещё несколько минут, когда раздался голос, от которого Алайя вздрогнула.

– Мисс Алайя! Какими судьбами?!

Алайя резко обернулась и очутилась лицом к лицу с... Уильямом Денби. Она сразу напряглась и хотела уйти, но в этот миг он снова заговорил с ней. Его голос звучал с необычайной приветливостью.

– Пришли узнать новости о брате?!

– Да! – Алайя никак не ожидала услышать эти приветливые слова, от того и радостно

заулыбалась.

– Мы ждём вестей со дня на день. Ждём так же нетерпеливо, как и вы. В последнем письме, Виктор извещал нас о том, что вернётся только вместе со Стивеном и никак не иначе. Я радуюсь и высоко ценю эту дружбу. Можете не беспокоиться. Как только мы получим письмо от Виктора, я лично его вам привезу.

Не дав Алайе ответить, он попрощался и сразу ушёл, оставив её в состоянии близком к восторгу. Письмо от Виктора, могло ли что-то другое звучать для неё столь же многообещающе. Алайя даже укорила себя за предвзятое отношение к сэру Уильяму. На самом деле, он хороший человек, – думала она, возвращаясь домой.

Она не знала и не могла знать, что стала жертвой коварной игры. Уильям Денби прекрасно понимал, что после возвращения Стивена ему не удастся прибрать к рукам Алайю. Оттого и собирался сделать это до его приезда. Оставалось только выманить её в уединённое место. Он всё предусмотрел. Для этой цели, он нарочно заранее заказал в ювелирной лавке браслет с надписью: «моей любимой супруге Брейди Денби от преданного супруга». Он постоянно держал этот браслет при себе, во внутреннем кармане пиджака, намереваясь пустить в ход при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Глава 5

Леди Аннабель

Поместье Гренфелл находилось в десяти милях восточнее Бредфорда и на отдалении двенадцати миль от поместья Денби. Несколько слов о самом поместье. Оно могло по праву считаться одним из самых лучших домов Бердфордшира, не принимая во внимание родового гнезда герцога Бедфорда,

разумеется. Великолепный дом, собственный пруд, пастбища и даже охотничьи угодья – являлись частью поместья. Оттого и желающих посетить это место всегда хватало с избытком.

Что же касается самого семейства. Оно состояло из трёх человек: Сэра Артура Гренфелла, почтенного пожилого джентльмена в очках, с носом как у герцога Веллингтона. Именно так он сам с гордостью называл самую заметную часть лица, которая была более свойственна хищным птицам; и двух его дочерей: Старшей Лизи и младшей Аннабель. Лизи исполнилось двадцать девять лет. Она осталась вдовой уже в первый год своего брака, а это печально событие произошло двенадцать лет назад. И с тех пор не выходила замуж. В наследство от спокойного супруга ей достался дом и солидное состояние в четырнадцать тысяч фунтов. Одиночество тяготило её. Оттого она и решила вновь вернуться в родовое гнездо. Только здесь она чувствовала себя счастливой. Кроме всего прочего, она опекала свою младшую сестру, Аннабель, хотя она в том и не нуждалась.

Между отцом и дочерьми царило полное взаимопонимание. Сёстры же, меж собой ладили ещё лучше. Они души друг в друге не чаяли. Они доверяли друг другу самые сокровенные тайны, давали советы и прислушивались к ним. Они же принимали гостей каждую пятницу в два часа дня. В этот день, и в это время, двери дома открывались для всех желающих. Этот обычай завели сразу после кончины леди Гренфелл. При жизни, она любила принимать гостей по пятницам и оказывала всевозможную помощь всем, кто в ней нуждался, и кому она могла её оказать. Потому, пятница в доме Гренфелл стала некой данью памяти покойной. Эта пятница не стала исключением. Даже наоборот. Прошёл месяц со дня великой победы. И эту дату в доме Гренфелл собирались отметить со всем торжеством. Особо пригласили супругов Денби. И

тому имелись веские причины. Между семьями Денби и Гренфелл пролегла тесная дружба длиной в десятилетие. И эта связь стала более тесной, когда их дорогие дети, Виктор и Аннабель были помолвлены. Это счастливое событие произошло четыре года назад, перед самой отправкой Виктора в действующую армию.

Аннабель ждала чету Денби с особым нетерпением. Она знала, со слов сестры, которая накануне побывала в гостях у Денби, что Виктор прислал два письма. Одно для родителей, второе для неё. Сестра просила отдать ей письмо, предназначенное Аннабель, но леди Денби заявила, что не может отказать себе в удовольствии, и лично передаст его своей дорогой дочери. Именно так «моя дорогая дочь», она всегда и называла Аннабель.

Но давайте оставим на время Аннабель, которая в эти мгновения ежеминутно стояла у окна и смотрела на дорожку, ведущую к воротам, и обратим внимание на двух молодых щёголей. В то время, как два десятка гостей, смаковали подробности победы, одновременно выражая признательность за оказанный приём главе семейства, сэру Артуру Гренфелл, эти двое втихомолку обсуждали достоинства Аннабель.

– Это платье с золотистыми нитями, ниспадающими с плеч весьма своеобразно, но как нельзя лучше подчёркивает грациозность её движений и нежность рук. Удивительное сочетание. Вы не находите? Я имею в виду точно такие же нити, которыми сплетены волосы леди Аннабель. В сочетании с чарующей улыбкой, она смотрится просто божественно.

– Она действительно прекрасна, – согласился второй щёголь с откровенным удовольствием наблюдая за походкой Аннабель. Она в это мгновение снова подошла к раскрытому окну и выглянула наружу. – Я бы ещё отметил этот взгляд напоминающий мерцание звёзд в голубом небе...она, – он замолк, так как в этот миг заметил угрожающий взгляд направленный прямо на него.

Спустя мгновение, к ним подошёл молодой человек лет тридцати. Это был Дэвид Даффл, двоюродный кузен Аннабель. Он очень тихо обратился одновременно к двум щёголям.

– Вы уделяете слишком много внимания моей уважаемой кухне, и меня это начинает раздражать. На вашем месте, я бы немедленно поблагодарил сэра Артура, попрощался и никогда более, сюда не возвращался. Надеюсь, вы последуете моему совету в самое ближайшее время.

Дэвид, улыбаясь, отошёл и неторопливо направился в сторону Аннабель.

Эти двое совещались недолго.

– Всем известно, что он в неё влюблён и жаждет получить в жёны. Ему Аннабель не видать, как и нам. Но...

– У него весьма скверный нрав, – подхватил второй щёголь.

Эти слова стали определяющими. Они не были трусами, но и рисковать понапрасну не желали. По этой причине, поступили мудро, последовав совету Дэвида.

Он же сам собирался заговорить с Аннабель, но она даже слушать его не стала.

– С меня достаточно всех ваших откровений! – коротко бросив эти слова ему в лицо, Аннабель присоединилась к небольшой группе гостей, среди которых находилась её сестра.

Дэвид и не собирался отступать. Он желал добиться руки Аннабель любой ценой. Передвигаясь по залу, он ни на миг не упускал Аннабель вплоть до той самой минуты, пока к его великому

неудовольствию, не объявилась чета Денби. Супруги выглядели торжественно, и в то же самое время, печально.

– Я вынужден оставить супругу и сразу же удалиться, – сразу и во всеуслышание объявил Уильям Денби. – Убит Стивен, молочный брат и близкий друг моего сына Виктора. Я немедленно

отправляюсь к семье Стивена, чтобы выразить сочувствие и оказать всевозможную помощь. Я не задержусь надолго.

Он откланялся и сразу ушёл. Сразу после ухода супруга, леди Денби извинилась перед всеми в связи с печальными событиями и сразу увела с собой Аннабель в соседнюю комнату. Здесь она передала ей письмо Виктора.

– Помни, ему сейчас очень тяжело. Виктор очень любил Стивена. Они выросли вместе и бок о бок сражались все эти четыре года.

– Мне известно его отношение к мистеру Гибни, – с грустью молвила Аннабель. – Вероятно, Виктору сейчас приходится очень нелегко.

– Моё дорогое дитя! – леди Денби поцеловала Аннабель в лоб. – Будь с ним терпелива, когда он приедет, – попросила она пред уходом.

– Виктор приезжает? – Аннабель в одно мгновение вся расцвела.

– Да, но это радостное событие случится не очень скоро!

Леди Денби вышла и затворила за собой дверь.

Аннабель сразу же вскрыла письмо.

«Дорогая, любимая Аннабель! – писал Виктор, – я вынужден задержаться ещё на некоторое время, в виду весьма важных обстоятельств связанных с моей службой. Но можешь не сомневаться, что ещё до наступления осени я приеду. Вероятно, ты уже слышала о гибели моего друга Стивена. Меня его смерть потрясла так сильно, что я ещё долго не смогу оправиться. Меня поддерживают лишь мысли о тебе и нашем будущем. Люблю тебя, люблю всей душой и жду, что ты станешь моей супругой в самое ближайшее время. Лишь с тобой рядом, я не буду чувствовать себя таким потерянным. Много писать не могу. Мысли путаются. К тому же надо навестить Стивена. Я каждый день его навещаю. Не хочу, чтобы он оставался один. Я привезу его с собой. Мы

вместе приедем. Мы всегда возвращались вместе, но это будет в последний раз...

Твой навсегда, Виктор Денби!».

В комнату вошла Лизи. Заметив слёзы в глазах сестры, она встревожилась. Аннабель протянула ей письмо.

– Боже мой! Боже мой! – прошептала Лизи, прочитав письмо. – Я и не подозревала, что он настолько привязан к другу. Но будем надеяться на лучшее. Так или иначе, ему придётся смириться с потерей.

Глава 6

Изощённое коварство

Для Уильяма Денби всё складывалось как нельзя лучше. Все знали, куда он поехал и зачем. Оставалось лишь выманить Алайю из дома. Он собирался использовать для этой цели свою супругу. Якобы она просила лично привезти Алайю, чтобы сообщить печальную новость. Печальную?! – Уильям Денби расхохотался. – Да он ничего прекраснее в жизни не слышал. Он мог не однажды прибрать к рукам Алайю, но боялся мести Стивена. Теперь же, путь был свободен.

Спустя час после отъезда из поместья Гренфелл, он уже привязал коня возле дома Алайи. Прежде чем войти в дом, он несколько раз оглянулся. Никого поблизости не было видно. Да и домов здесь было, раз, два и обчёлся.

Войдя в дом, он сразу увидел Алайю. Она готовила тесто для булочек. Все руки были вымазаны в муке. Завидев гостя, Алайя обрадовалась. Правда, она тут же попросила прощения за свой вид.

– Я с новостями. Но хотел бы сообщить их и вашей матушке! – сказал Уильям Денби, оглядываясь по сторонам.

– Матушка пошла за мукой...вам не стоит её ждать, – добавила Алайя, заметив похотливый взгляд, направленный на свою грудь.

– Ты права. Нам не стоит её ждать!

Он двинулся напрямик на Алайю. Алайя, вначале ничего не понимала, но как только он схватил её за руку, она закричала:

– Что вы делаете? – и попыталась вырвать свою руку, но ей это не удалось.

– Ты станешь богата...я тебе дам пятьдесят фунтов или даже сто. А хочешь двести фунтов...только будь со мной поласковее, – Уильям Денби крепко держал Алайю за руку и притягивал к себе всё ближе и ближе.

– Отпустите меня. Отпустите, – кричала Алайя, пытаясь вырваться из цепких рук Уильяма Денби. – Вы мне отвратительны! Отпустите меня и убирайтесь вон из нашего дома...

Уильям Денби резко потянул Алайю на себя и впился в её губы. Алайя яростно задёргалась и сумела вырваться на свободу. Она бросилась к двери, но он успел схватить её рукав платья. Рукав затрещал и остановил бег Алайи. В следующее мгновение, он схватил её за шею и отбросил к дальней стене. Алайя ударилась головой и упала на пол. Уильям Денби набросился на неё и стал рвать одежду. Его руки блуждали по всему её телу.

Алайя всё время кричала и пыталась вырваться. Ей даже удалось укусить его за руку. Уильям Денби рассвирепел и несколько раз ударил Алайю кулаком по лицу. С носа и разбитых Алайи хлынула кровь. Уильям Денби разорвал платье, обнажая Алайю до пояса. Увидев обнажённые груди Алайи, он совсем потерял рассудок.

– Пожалуйста, пожалуйста, не делайте этого, пожалейте меня, – рыдая кричала Алайя. Она снова и снова пыталась подняться, но каждый раз такая попытка заканчивалась болезненным стоном. Уильям Денби наотмашь бил рукой по лицу, чтобы с

обезумевшей страстью снова и снова сжать её груди своими руками.

– Сейчас, сейчас, – крутятся в разные стороны и вдавливая Алайю в пол, он задрал платье и начал лихорадочно стягивать с неё панталоны.

Алайя сделала попытку вывернуться. Ей почти удалось это сделать, но Уильям Денби схватил её за волосы и со всего размаху ударил головой об пол. Алайя застонала от боли.

– Пожалуйста...не делайте этого со мной...я люблю вашего сына...я люблю Виктора, – но её слова так и остались не услышанными. Он разорвал и стащил с неё панталоны. А потом с силой раздвинул ноги и резко вторгся в неё. Алайя выгнулась и издала дикий крик.

– Вот так, вот так, – хриплым от страсти голосом повторял Уильям Денби, врываясь в неё раз за разом.

Крик дочери услышала Мэри Гибни. Она возвращалась домой с Мэтью, помощником мельника. Он всегда помогал ей нести муку. Так происходило и на этот раз. Услышав крик, Мэри Гибни бросила мешок и побежала. Мэтью побежал вслед за ней. Уже через несколько мгновений, они увидели страшную картину. Алайя лежала на полу вся в крови, в разорванном платье, а Уильям Денби её насиловал. Не раздумывая ни мгновения, Мэри Гибни схватила нож, метнулась вперёд и со всей силы нанесла удар ему в спину. В самый последний миг, Мэтью удалось перехватить её руку. Нож едва вошёл в спину Уильям Денби. Он завопил от боли, скатился с Алайи и быстро вскочил на ноги. Мэри Гибни вцепилась в него и стала рвать лицо своими пальцами. Уильям Денби вопил и пытался отцепить от обезумевшей женщины. Наконец, это ему удалось. Он отшвырнул её от себя и, пользуясь возникшей суматохой, быстро достал из кармана браслет и незаметно скинул его в пустую корзину, стоявшую у самой двери. Затем он метнулся наружу,

подбежал к лошади, вскочил в седло и галопом ускорился.

Мэри Гибни едва успела вымыть и переодеть дочь, как в дом явилась полиция. Они всё обыскали и нашли тот самый браслет, оставленный в корзине. Алайю с матерью арестовали, и бросили в тюрьму.

Одновременно с этим, в поместье Гренфелл, стоная, появился Уильям Денби. На подбородке и под левым глазом висели куски содранной кожи. Лицо сплошь было покрыто пятнами с засохшей кровью. Спина была перевязана. Столь неожиданный вид привёл в ужас не только супругу, но и всех, кто там присутствовал. Его обступили со всех сторон и засыпали вопросами. Наибольшую обеспокоенность олицетворяла леди Денби. Она то и дело норовила оказать помощь.

– Недавно к нам в поместье приходила Алайя Гибни, сестра покойного Стивена, – стоная и держась за спину, рассказывал Уильям Денби. – Она пришла в наши покои осведомиться о своём брате. У меня на комодке лежал браслет. Два месяца ранее, я заказал его в ювелирной лавке мистера Ленштайна к юбилею моей дорогой супруги. Он лежал у меня на комодке, но после посещения Алайи, исчез. Сегодня, когда я отправился выражать соболезнования, этот браслет был надет на руке Алайи Гибни. Я потребовал вернуть его обратно. Она отказалась. Я настаивал, но она не отдавала. Тогда мне пришлось пригрозить полицией. И тут, откуда ни возьмись, появилась её мать. Они вдвоём набросились на меня и едва не убили. Я сообщил обо всём моему другу судье Конеллу. Их уже должны были арестовать.

– Что вы сделали? – спросила бледная леди Денби и тут же потребовала от супруга снисхождения для Мэри Гибни. – Немедленно, слышите?! Немедленно вернитесь и сообщите полиции, что произошла ошибка.

Эти слова необычно звучали из уст женщины, чей супруг пострадал от рук преступников.

– Вы в своём уме? – закричал на неё Уильям Денби. – Меня едва не убили, а вы заступаетесь за этих кровавых злодеев.

– Прошу, вас, прошу. Немедленно всё исправьте. Немедленно, – повторила леди Денби, ввергая всех вокруг в лёгкое оцепенение, – не позволяйте полиции арестовать...

– Позволю, и даже буду настаивать на самом жёстком наказании. Они целиком и полностью заслужили...

– Вы что не понимаете? – леди Денби сорвалась на крик. – Арест Мэри Гибни будет иметь самые тяжёлые последствия для всей нашей семьи.

Уильям Денби едва ли не нагрубил супруге. Он в резких выражениях заявил, что мать и дочь не дождутся от него снисхождения и потребовал немедленного и полного уважения к своим решениям. В это самое явился и сам судья Коннел. Он привёз злополучный браслет с собой. Все увидели дарственную надпись «моей любимой супруге Брейди Денби от преданного супруга». Ни у кого не осталось никаких сомнений относительно правдивости рассказа Уильяма Денби.

– Не стоит беспокоиться, – заверил всех судья. – Я хорошо знаю таких людей как семья Гибни. Они готовы на всё ради денег. Но со мной эти уловки не пройдут. Полагаю, уже на этой неделе они будут наказаны самым строжайшим образом.

Леди Денби упала в обморок. Её тут же перенесли в гостиную. Аннабель осталась рядом с ней, а её сестра Лизи побежала за нюхательной солью. Спустя несколько минут, общими усилиями двух сестёр леди Денби удалось привести в чувство. Она сразу застонала и схватилась руками за голову:

– Всему конец, всему, – горестно она повторяла раз за разом.

– Но они уже преступники, матушка. Они заслужили своё наказание, – осторожно заметила Аннабель. Она

не желала лишний раз беспокоить леди Денби, но и смолчать не могла.

– Да какая разница виноваты они или нет?! – закричала леди Денби. – Мэри молочная мать Виктора. Да он любит её больше чем меня. Вы думали, что произойдет, когда он обо всём узнает? И это происходит сейчас, когда не стало Стивена, – она снова схватилась за голову и простонала, – надо остановить Уильяма, немедленно...иначе мы ещё больше расстроим Виктора...

Она поспешно поднялась и бросилась в зал. Аннабель и Лизи пошли следом. Когда они вошли в зал, леди Денби слёзно умоляла супруга в присутствии судьи, но без всякого успеха. Раз за разом, он отказывался. Дело дошло до того, что в разговор вынужден был вмешаться судья.

– Вы мешаете правосудию! – жёстко заявил он. – Делу дан ход. Сейчас, даже ваш уважаемый супруг не в силах спасти этих женщин от наказания.

– Будьте готовы дать ответ вашему сыну. Он обязательно придёт за ответом. И тогда вы поймете, о чём просила вас я, сегодня.

Леди Денби удалилась, даже не попрощавшись.

Удалилась одна. Многие втихомолку порицали её поведение и открыто поддерживали Уильяма Денби. Уже ночью, перед сном, между Лизой и Аннабель состоялся короткий разговор относительно сегодняшних событий.

– Ты разговаривала с батюшкой? – спросила Аннабель.

Лизи кивнула.

– Он поддерживает сэра Уильяма и требует от нас не вмешиваться в любые события, которые могут иметь место в ближайшем будущем. Не могу с ним не согласиться. Ты ведь ровно такого же мнения.

– Меня беспокоят слова леди Денби относительно Виктора, – призналась Аннабель, – мне трудно представить человека, который защищает едва ли не

убийц собственного отца. Виктор просто обязан встать на сторону отца, но...

– Что если леди Денби права? – подхватила Лизи. Аннабель кивнула.

– Выкинь из головы, не думай, – посоветовала Лизи. – Так или иначе, мы никак не можем повлиять на решение сэра Уильяма. К тому же, Виктор никогда не станет защищать преступников.

– Ты права, – не могла не согласиться Аннабель.

Но том беседа и завершилась. Аннабель ушла в свою комнату, разделась и легла в постель. Несмотря на позднее время и усталость, она никак не могла уснуть. Она вновь и вновь вспоминала слова леди Денби. От одной только мысли, что она может оказаться права её охватывало беспокойство.

Глава 7

Последствия

Следующее утро стало самым ужасным для Леви Ферриджа. И олицетворял его управляющий имения Денби мистер Лонкхест. Сначала всё начиналось хорошо. Мистер Лонкхест спрашивал о молодом человеке, который имел привычку сопровождать Мэри Гибни. Леви сразу догадался о ком идёт речь.

– Верно, это Мэтью, помощник мельника. Он помогает Мэри носить муку! – воскликнул он. В тот миг он и представить не мог подлинного коварства вопроса.

Выяснив всё про Мэтью, мистер Лонкхест сообщил печальную новость, касающуюся смерти Стивена. Не успел Леви принять эту страшную новость, как за ней последовала ещё одна, не менее ужасная. Его сестра и племянница были арестованы за ограбление и попытку убийства Уильяма Денби. Первая часть по действующим законам, грозила наказанием вплоть до пожизненного заключения. Вторая часть

предусматривала только одно наказание – смертную казнь.

Прихватив потрёпанную шляпу и неизменную трость, Леви поспешил в центр города, к зданию суда. Там же во дворе, в подвалах содержали заключённых перед вынесением приговора. Обычно такого рода дела решались очень быстро. В течение одного заседания выслушивались обе стороны, после чего судья сразу же выносил приговор. Времени совсем не оставалось, оттого и спешил Леви.

Подробности произошедшего, Леви узнал у помощника судьи Коннел. Он же сообщил о том, что заседание суда по делу его сестры состоится завтра утром, а потом перепоручил его приставу, который и отвёл его к заключённым.

Леви не раз бывал в этих сырых и вечно холодных коридорах, но только сейчас осознал, насколько они мрачны в своей неумолимости. Его мозг начал лихорадочно искать пути спасения ещё до того, как пристав отодвинул засов и впустил его в тюремную камеру, который большой напоминал огромный погреб с земляными стенами.

Леви не сразу нашел сестру и племянницу среди заключённых. Единственное крохотное окно с решётками, хотя и находилось у самого потолка, едва пропускало свет. Оттого приходилось идти на ощупь. Мужчины, женщины и даже дети сидели и лежали, прижимаясь друг к другу, чтобы как-то согреться.

– Леви! – раздался знакомый голос.

В следующую минуту Леви увидел, как от одной из стен отделилась человеческая тень и медленно направилась к нему. Вскоре, он различил лицо сестры. А ещё через мгновение прижал к своей груди. Между ними сразу завязался приглушённый разговор посреди тюремной камеры.

– Что произошло, Мэри? В суде говорят, что ты пыталась убить сэра Денби. Это правда? – сразу же спросил Леви.

- Правда! - тихо ответила Мэри.
- Тебя же повесят. Даже мне не удастся тебя спасти! - с ужасом прошептал Леви.
- Этот негодяй заслуживает смерти! Я лишь жалею, что Мэтью не дал мне его убить.
- Даже так...что произошло, Мэри? И где Алайя?
- Сидит сзади нас. С ней бессмысленно разговаривать. Она ничего не слышит и даже мне не отвечает. Она умерла Леви. Умерла. Умерла вместе со мной.
- Да что случилось, Господи? - с дрожью в голосе спросил Леви.
- Уильям Денби обесчестил мою дочь. Я застала его в тот миг, когда он насиловал Алайю.
- Что? Негодяй! Мерзавец, - гневно вскричал Леви.
- Я призову это чудовище к ответу. Он будет наказан. Жестоко наказан. Клянусь Мэри. Я добьюсь, чтобы его повесили.
- Только Стивену не говори, - попросила Мэри. - Он убьёт Уильяма Денби и свою жизнь погубит.
- Даже не знаю, как сказать Мэри...и стоит ли говорить, но...может случиться всякое...Стивена нет. Он погиб на войне. Виктор Денби прислал письмо, в котором извещал о его смерти. Он привезёт тело Стивена, чтобы похоронить здесь.
Мэри Гибни издала глухой стон и едва не упала. Её вовремя успел подхватить Леви.
- Мэри, Мэри, крепись, - с невыразимым участием шептал он, прижимая сестру к своей груди. - Не всё ещё потеряно...

Последовало короткое молчание, после которого раздался мучительный шёпот.

- Возможно это даже к лучшему. Он бы не вынес случившегося с Алайей. Я вскоре соединюсь с сыном... и мне придётся дать ответ за погубленную жизнь его сестры...

- Мэри! Мэри! Не думай о смерти. Мы будем защищаться. Я сделаю всё, чтобы вас спасти.

– Спасай Алайю. Только её судьба меня беспокоит. Меня в любом случае повесят, и ты это знаешь. Но Алайя...она останется одна... с погубленной душой. Ей некому помочь. Моя дочь пропадёт...

– Я сделаю всё, что только в человеческих силах, – пообещал Леви. – Как бы не развивались события, я буду защищать её до конца. Думай о себе.

– Моя жизнь уже близка к завершению. Завтра суд. Послезавтра меня отвезут в тюрьму и там повесят. Во всяком случае, именно так мне сказали. Поэтому не думай обо мне. Думай только об Алайе. Я не хочу, чтобы на суде упоминалось о том, что с ней произошло.

Леви ужаснулся её словам.

– Мэри, я должен рассказать, иначе просто не смогу вас защитить!

– Ты и так не сможешь нас защитить. Этот негодяй подбросил нам браслет своей жены и заявил, что якобы из-за него я пыталась его убить. Он обвинил Алайю в краже. Пусть так и будет. Я скажу, что сама его украла. Ты должен поддержать меня в этом решении.

– Мэри, – попытался было возразить Леви, но сестра не дала ему этого сделать.

– Позволь мне уйти к сыну со спокойной душой, – попросила она. – если люди узнают обо всём, моя дочь навсегда будет обесчещена. Я её хорошо знаю. Она не вынесет позора. У неё не будет матери, не будет брата, пусть хотя бы останется честное имя, ... прошу тебя. Только так мы сможем её спасти...

– Не знаю, Мэри. Мне трудно принять твои слова, – откровенно признался Леви. – Мне надо подумать. Если на суде появится возможность защитить вас с помощью правды, я это сделаю. И не проси об ином. Но если...если я увижу, что спасения нет, тогда правда навсегда останется между нами. Обещаю.

– Нет! О том, что случилось должен узнать ещё один человек. Сообщи обо всём Виктору. Я сама вскормила его своей грудью. Я знаю его так же хорошо как

Стивена. Он поможет, когда у Алайи не останется никакой другой надежды. Расскажи обо всём Виктору и скажи, что несчастная мать перед смертью вверила ему свою дочь.

Леви ещё долго пытался переубедить сестру, но она оставалась непреклонной и твердила только о спасение дочери. Леви покинул тюрьму в сильном расстройстве. У него не оставалось ни единой возможности спасти Мэри.

После ухода брата, Мэри Гибни вернулась на место и сообщила Алайе о смерти Стивена.

– Хорошо, – прошептала в ответ Алайя. – Мы тоже скоро умрём. Он будет нас ждать, и мы снова встретимся.

Она взяла матушку под руку и положила голову ей на плечо.

Поздней ночью, управляющий мистер Лонкхест привёз Мэтью в поместье Денби и отвёл перепуганного юношу в конюшню, где его уже ждал Уильям Денби.

– Буду краток, – сразу сказал Уильям Денби, – завтра на суде ты подтвердишь мои слова. Скажешь, что видел меня и слышал, как я требовал вернуть браслет. Именно браслет является причиной покушения на меня Мэри Гибни. Ни единого слова о том, что видел. В противном случае, мне придётся заняться тобой и твоей семьёй. Их участь буде куда хуже участи семьи Гибни. Я их тоже предупреждал, но они меня не послушали. И вот результат. Не повторяй ту же ошибку. Будешь послушным, получишь пятьдесят фунтов прямо сейчас и ещё столько же после суда. Вот первая часть, – он протянул Мэтью обещанную сумму в нескольких банковских чеках. Мэтью никак не решался взять деньги, но заметив угрожающий взгляд, протянул руку.

– Всё будет как вы того желаете, сэр Уильям, – произнёс он с покорностью.

– Вот и прекрасно. Завтра, к десяти утра приходи в суд, – сказал Уильям Денби, передавая ему деньги.

Глава 8

Суд над Гибни

Маленький зал суда. Обшарпанные стены с коптившимися светильниками. Скамейки с отчётливыми следами плесени для посетителей. Один стол, покрытый красной материей для судьи и ещё один поменьше, для секретаря, которому надлежало вести запись судебного процесса. Обвинителю, ровно, как и защите, предстояло провести процесс стоя. Не слишком обременительная обязанность, учитывая время принятия решений.

Не более двух десятков людей, среди которых обе семьи: Гренфелл и семья Денби в полном составе. Они пришли на заседание суда по просьбе самого потерпевшего, Уильяма Денби. Он просил их присутствия, на случай если преступники, под которыми он подразумевал Алайю с матерью, попытаются вывернуться или оболгать его. Могли пойти нежелательные слухи. Дабы избежать этих слухов, обе семьи должны были убедиться во всём сами.

Уильям Денби всё рассчитал. Он знал, что такое открытое поведение расположит всех в его пользу, вне зависимости от того, что будет сказано на суде. Он знал, что Мэри Гибни обвинит его в насилие над дочерью и готов был дать ответ, достойный человека такого высокого положения как он.

Суд начался ровно в десять утра, в наполовину пустом зале. Мало кто успел узнать о его начала. А те, кто знал, не придали ему значения. Такие случаи происходили столь часто, что уважаемые граждане Бедфорда давно перестали обращать на них внимания.

Видно оттого, появление Алайи и Мэри Гибни встретили в зале почти без эмоций. На них не было ни кандалов, ни других предметов, способных сковывать движение. Их поставили напротив судьи Коннела. Леви сразу занял место рядом с ними. Мэри Гибни выглядела решительно и всё время сдвигалась влево стараясь находиться как можно ближе к дочери, которая даже головы не решалась поднять от стыда.

После кратких представлений двух сторон, секретарь суда записал в журнал следующие слова:

«Четверг. 31 июня 1815 года. Слушается дело Мэри и Алайи Гибни, кои обвиняются в краже золотого браслета и попытке причинения насильственной смерти в отношении сэра Уильяма Денби».

Как и всегда в таких случаях, первым выступил обвинитель.

– Мой лорд! – обратился он к судье. – Мы столкнулись с типичным случаем неправомерного обогащения. Преступники, – он указал рукой на Алайю с матерью, – украли браслет из дома уважаемого сэра Уильяма Денби.

– Это я ukrала браслет! Моя дочь не имеет отношения к краже! – решительно заявила Мэри Гибни. Уильям Денби явно оживился после этих слов. Он никак не ожидал получить поддержку со стороны этой женщины.

Судья постучал молотком и строгим голосом обратился к Мэри Гибни.

– Будете говорить, когда вас поросят!

Секретарь старательно записывал все слова в журнал. Появился такого рода запись: «Обвинитель насмешливо заявил Мэри Гибни, что именно её дочь приходила в поместье когда пропал браслет. Есть множества тому свидетельств».

– Именно Алайя Гибни, – продолжал уверенно обвинитель, – именно она взяла браслет купленный сэром Уильямом Денби за два месяца до того, к юбилею своей супруги, о чём свидетельствует

дарственная надпись. Она украдала браслет и принесла его домой.

В этот миг Леви уловил многозначительный взгляд сестры. Он сразу понял его значение. Всё происходило именно так, как она и предсказывала. Леви сам с каждым мгновением терял надежду на благополучный исход.

– Что же происходило дальше? – театрально провозгласил обвинитель. – приходит письмо от Виктора Денби, в котором он сообщает о скоропостижной смерти Стивена Гибни. Сэр Уильям Денби, – обвинитель снова указал в его сторону уважительным жестом, который выразился в веерном взмахе руки. – Бросает всё, свою супругу, друзей и родственников, чтобы выразить сочувствие семье Гибни, о чём заявляет публично. Далее, он отправляется к ним домой, и видит на руке Алайи Гибни украденный браслет. Он справедливо требует его вернуть. И за своё справедливое требование едва не лишается жизни. Желая оставить браслет себе, Мэри Гибни наносит удар ножом в спину Уильяма Денби. Уильям Денби немедленно обращается в полицию. Позже констебли находят в доме Алайи и Мэри Гибни тот самый браслет. Вина их настолько очевидна, что не подлежит никакому сомнению. Я требую для них самого строго наказания. Обвинитель поклонился судье и отошёл назад, уступая место защитнику.

– Мой лорд! – Леви хромя и волоча за собой ногу, вышел вперёд. – Я заявляю о том, что Алайя и Мэри Гибни терпят величайшую несправедливость. Они невиновны, и мне предстоит доказать очевидную истину.

Секретарь продолжать записывать. В журнале появилась следующая запись: «Обвинитель вызвал на допрос сэра Уильяма Денби».

Так и было. В следующие четверть часа Уильям Денби давал свидетельские показания. Он полностью

подтвердил слова обвинителя, приправив их деталями касающимися действий Мэри Гибни.

Во время выступления Уильяма Денби, Алайя пряталась за спиной матери. А в те мгновение, когда она поднимала голову, были видны глаза полные неопишемого ужаса.

Мэри Гибни, как могла успокаивала дочь. Она то сжимала её рук, то незаметно обнимала стан и прижимала к себе, то бросала на неё взгляд полный материнской нежности.

Следующим к допросу Уильяма Денби приступил защитник.

– Какие отношения вас связывали с Алайей Гибни? – задал первый вопрос Леви.

– Нас не связывали никакие отношения. Она часто приходила к нам в имение и вам это известно. Я же считал своим долгом выразить соболезнование в связи с кончиной Стивена Гибни, и поэтому впервые поехал к ним домой.

– Я спрошу ещё раз, но несколько иначе, – Леви с трудом сдерживал накипающую злость. Ему хотелось разорвать на куски стоящего перед ним человека, но останавливала мысль о том, что всё станет только хуже. – Какие чувства, а правильнее сказать, какие инстинкты вы испытывали по отношению к Алайе Гибни?

– Ваш вопрос оскорбителен! – возмущённо вскричал Уильям Денби.

– Уильям Денби! Вы находитесь в суде. Сейчас моё время, и я задаю вопросы. Извольте на них отвечать.

– Пожалуйста! – Уильям Денби равнодушно пожал плечами. – Никаких. Абсолютно никаких.

От следующего вопроса зал аж ахнул.

– Вы намекали или предлагали Алайе Гибни стать вашей любовницей?

– Следите за своими словами, мистер Леви! – предостерег судья со своего места. – Мы понимаем, что вы пытаетесь защитить свою семью, но не

переходите границы, иначе мне придётся принять меры.

Леви поклонился судье, а потом снова обратился к свидетелю с тем же вопросом:

– Я не стану отвечать на этот, в высшей степени оскорбительный вопрос, – последовал ответ.

– Следовательно, мы можем расценить ваш ответ, как утвердительный?!

– Нет! Я в своей жизни вообще никому не предлагал подобных вещей!

Леви собирался продолжить в том же духе, но уловил умоляющий взгляд сестры. Она никак не желала понять, что от этих вопросов зависели их жизни. На миг Леви овладела растерянность. Он взвешивал «за» и «против». Было совершенно понятно, что Уильям Денби ни в чём не признается. Без показаний сестры его вопросы имели бы последствия только для Алайи. И он сдался.

– Мой лорд! – обратился Леви к судье. – Я бы хотел ещё раз допросить Уильяма Денби, но после допроса Мэри Гибни.

Судья дал такое разрешение. Уильям Денби сел на место. На него сразу, со всех сторон посыпались сочувствующие слова.

Секретарь суда сделал следующую запись:

«Обвинитель вызвал свидетелем Мэтью Миллера».

Мэтью Миллер принёс клятву, и встал на место свидетеля. Обвинитель подошёл к нему на расстояние двух шагов.

– Вы собственными глазами видели всё происходящее. Не расскажете нам, как всё начиналось, что происходило и чем завершилось.

Леви устремил на сестру недоумённый взгляд. Она кивком подтвердила его догадку.

– Но почему? Почему ты мне ничего не сказала? – едва ли не с отчаянием тихо прошептал Леви.

Мэри Гибни отрицательно покачала головой.

- Мы ждём! - жёстко произнёс обвинитель, обращаясь к свидетелю.

- Тётушка Мэри часто...покупают у нас муку, - запинаясь, заговорил Мэтью, - я иногда помогаю ей донести...до дома.

- Тётушка Мэри? Вы имеете в виду Мэри Гибни?

- Да!

- И что происходило, когда вы пришли к ней домой?

- Мы услышали крики и сразу побежали!

- А кто кричал? - задал очередной вопрос обвинитель.

- Все!

- Все? Кого именно вы имеете в виду или скажем по-другому, что именно вы увидели.

- Сэр Уильям требовал свой браслет! - одним разом выдохнул Мэтью.

- Требовал свой браслет?! - с восторгом переспросили обвинитель. - Вы видели как Мэри Гибни ударила его ножом?

- Да, но она не хотела. Это получилось случайно.

- Полагаю, всё предельно ясно, мой Лорд!

Обвинитель отошел, уступая место защите. Леви подошёл к свидетелю.

- Мэтью, ты понимаешь, что сделал?! Ты только что отправил невиновного человека на виселицу.

- Протестую, мой лорд! - закричал обвинитель. - Защита пытается разжалобить свидетеля и изменить его мнение.

- Принято! - судья устремил жёсткий взгляд в сторону Леви. Тот поклонился и молча отошёл на своё место.

- Обвинение?!

- Мы закончили, мой лорд!

- Защита?

- Вызываю свидетельствовать Мэри Гибни!

Эти слова дались Леви с невероятным трудом, но оттягивать неизбежное уже не имело смысла. После свидетельских показаний Мэтью Миллера, её уже ничего не могло спасти.

Мэри Гибни оставила дочь и заняла место свидетеля.
– Что вы можете сказать по поводу случившегося? – спросил у неё Леви.

– Это я приказала дочери принести браслет. И да, я хотела убить Уильяма Денби. Больше мне сказать нечего.

В зале раздались возмущённые голоса. Леви же, только и делал, что печально качал головой. Он мог бы попытаться их спасти. Но без показаний Мэри любая попытка не имела смысла.

– Я закончил, мой лорд!

– Что ж, – судья оглядел всех и только потом продолжили. – Мэри Гибни заслуживает самого строгого наказания, и я приговариваю её к смертной казни через повешение. Она будет сегодня же препровождена в тюрьму Бедфорд Каунти Гаоль и там, прилюдно повешена. Вина Алайи Гибни не столь велика, но всё же она помогала матери и совершила воровство. Я приговариваю её к десяти годам каторги. Она так же будет препровождена в тюрьму Бедфорд Каунти Гаоль, где и будет отбывать заслуженное наказание. Дело закрыто. – Судья встал и ударил молотком по столу.

Алайя вцепилась в руку матери и ни на миг не отпускала её от себя. Так их и увели из зала.

В то самое время, когда выносили приговор, Виктор впервые поднялся с больничной кровати. Он едва мог передвигаться. Вся спина была накрепко перевязана. Его исцеление, врачи, иначе, чем чудом не называли. Пуля, полученная в спину, едва не отправила его на тот свет. Рана заживала, а вместе с ней и он начал понемногу поправляться.

Он не солгал, когда писал о том, что навещает Стивена каждый день. Он только не упомянул о том, что к нему его несли на носилках. Сегодня, он впервые спустился в подвал госпиталя на собственных ногах.

Внизу, на полу, рядом с полками медикаментов стоял наглухо заколоченный гроб, обитый красной материей, с телом Стивена.

Виктор опёрся на край стеллажа. Его взор затуманился, когда он посмотрел на гроб.

– Потерпи ещё немного, – прошептал он, – скоро мы поедем домой. Ты будешь похоронен там, где и хотел, рядом с могилой своего отца. А о сестре с матерью не беспокойся. Я позабочусь о них даже лучше, чем ты бы мог это сделать. Клянусь тебе, клянусь...